

Н. А. АНТИПИН

МАНИПУЛЯЦИИ ПАМЯТЬЮ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБРАЗОВ РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЫ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ. 1920–1950-е гг.

В статье рассматривается процесс трансформации образов, оценок, восприятия Русско-японской войны 1904–1905 гг. в советской исторической науке в 1920-е – 1950-е гг. На основе историографических источников реконструируется три этапа: «борьба» с героическим прошлым (1920-е гг.), попытки найти компромисс между интернациональной идеологией и героическими символами (1930-е гг.), реабилитация войны и встраивание ее в героическое прошлое (после 1945 г.).

Ключевые слова: *Русско-японская война, образы войны, культурная память, историография, коммеморация*

Революционные потрясения 1917 года и открытие царских архивов позволили советским историкам обратиться к скрытым сторонам истории Русско-японской войны и дальневосточной политики Российской империи. Особое место в этом процессе занял журнал «Красный архив», который издавался в 1922–1941 гг. Управлением Центрархива РСФСР. В 1920-е гг. в журнале были опубликованы дневники А.Н. Куропаткина и Г.А. Плансона, переписка С.Ю. Витте, Н.Н. Левашова, А.Н. Куропаткина, А.М. Стесселя, В.Г. Глазова, В.В. Верещагина¹. Большое значение для осмысления дальневосточной политики России имели воспоминания С.Ю. Витте, изданные в СССР в 1923–1924 гг. Их публикацией занимался М.Н. Покровский. Он же одним из первых обратился к истории Русско-японской войны. В основу его книги «Русская история в самом сжатом очерке» был положен курс лекций, прочитанный в 1919 г. в Коммунистическом университете им. Я.М. Свердлова. Первое издание книги (1920) содержало две части и не касалось рубежа XIX–XX вв.

В.И. Ленин высоко оценил это сочинение. 5 декабря 1920 г. он писал Покровскому: «Очень поздравляю Вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша книга: “Русская история в самом сжатом очерке”. Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на европейские языки». Ленин предложил превратить книгу в учебник, дополнив ее хронологической таблицей, «чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую и новую науку»². В 1923 г. в издательстве «Красная

---

¹ Дневник А. Н. Куропаткина... 1922; Портсмут 1924; Вильгельм II о Русско-японской... 1925; Из писем ген. Н. Н. Левашова... 1926; Письмо ген. А. М. Стесселя... 1926; Безобразовский кружок... 1926; Переписка С. Ю. Витте и А. Н. Куропаткина... 1926; В штабе адм. Е. И. Алексеева... 1930; Письма В. В. Верещагина... 1931.

² Покровский 1967. Кн. 3. С. 3-4.

новью» вышла третья часть книги, посвященная периоду 1896–1906 гг. В последующих изданиях эта часть претерпела переработку, в т.ч. сюжет, связанный с историей войны с Японией. Всего же при жизни автора было опубликовано десять изданий «Русской истории...». М.Н. Покровский подчеркивал, что книга написана для народного чтения и ориентирована на неподготовленного читателя. Ее популярности способствовали литературные достоинства, художественность, яркость и зрелищность изложения, живописность портретов исторических деятелей. Так историк конструировал новое прошлое для нового советского общества.

В издании 1923 г.³ Русско-японская война показана естественным продолжением внешней политики Романовых; отмечено, что царское правительство готовилось к конфликту более десяти лет. Именно царское правительство, по мысли ученого, явилось инициатором вооруженного столкновения с Японией. М.Н. Покровский оказался под влиянием воспоминаний С.Ю. Витте: он представил его «душой дальневосточной политики»⁴, но всю вину за войну переложил на императора и «безобразовский кружок». Ученый перенял выдвинутую Витте концепцию двух лагерей: в первый входил сам сановник, В.Н. Ламздорф и А.Н. Куропаткин – они выступали против войны. Второй лагерь составляли Николай II, А.М. Безобразов, В.М. Вонлярлярский, великий князь Александр Михайлович, контр-адмирал А.М. Абаза, готовые к вооруженному столкновению в отстаивании своих интересов. Устранение С.Ю. Витте в 1903 г. с поста министра финансов обозначило победу «безобразовской клики».

В остальном М.Н. Покровский был последовательным интернационалистом. Он с симпатией относился к японцам, отрицал «коварство» противника, говоря, что международное право не обязывает стороны объявлять войну, и лишь после этого использовать вооруженные силы. Он вскользь упомянул о двух «забытых» русских крейсерах в Корее – «Варяге» и «Корейце»⁵, чей бой с японским флотом был центральным героическим мифом. В изображении Покровского отсталой и возрастной русской армии противостояли боеспособные японские войска.

«Глава советской исторической науки» вписал войну в контекст первой революции: крупные сражения соотносились с революционными событиями внутри страны. Так, история Русско-японской войны оказалась разбитой на несколько частей, которые помещены в качестве внешнеполитического фона для внутреннего промышленного кризиса (гл. IV), революции 1905–1907 гг. (гл. V–VI). Начиная с Покровского, Русско-японский конфликт в советской историографии будет представляться фоном для революции и в то же время катализатором внутрипо-

---

³ См.: *Покровский* 1923. Ч. III. Вып. I. С. 70–139, 143–145.

⁴ Там же. С. 81.

⁵ Там же. С. 91–94.

литических потрясений. М.Н. Покровский продолжал перерабатывать свою концепцию истории войны 1904–1905 гг. В предисловии ко второму изданию он отметил, что «ближайшее изучение архивных документов заставило автора окончательно отказаться от взгляда на Русско-японскую войну 1904–1905 гг., как на войну империалистическую, и признать в этой войне заключительное звено колониальной политики Романовых, начиная еще с Петра I»⁶. Сложно сказать, какие документы заставили историка сделать это, ибо автор не дал ссылок на них.

Одновременно с М.Н. Покровским историей Русско-японской войны и дальневосточной политики царского правительства (наряду с древнерусской историей) занимался Б.А. Романов. В своих исследованиях он строго следовал за источником. И это не случайно: его учителем был историк петербургской школы А.Е. Пресняков. От него Романов воспринял методологию позитивизма и всегда был верен ей в своих исследованиях. С 1918 г. Романов работал в Главархиве, где столкнулся с огромным объемом документов министерств финансов, промышленности и торговли. Но его исследовательский интерес к дальневосточной проблематике определила не только близость к источникам, но и опубликование воспоминаний С.Ю. Витте⁷. Историк увидел расхождение мемуаров с архивными документами. В итоге появились публикации источников и статьи⁸. В 1927 г. Восточный институт в Ленинграде предложил Романову опубликовать сборник его статей о России в Маньчжурии⁹. В 1928 г. он подготовил монографию «Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма».

В этой книге Б.А. Романова проявились особенности его подхода к изучению проблемы: глобальный характер в географическом и хронологическом плане. Русско-японская война стала для историка поводом для раскрытия запутанной истории международных отношений в Восточной Азии. В первой своей книге он сосредоточился исключительно на изучении русской внешней политики. Историк заметил, что Витте был вдохновителем дальневосточной политики России на рубеже XIX–XX вв., он же положил много сил для создания мифа о мирном характере этой политики¹⁰. Существенное различие позиций Романова и Покровского заключалось в том, что первый не снимал с Витте ответственности за войну, как это делал второй, возлагая ответственность на «безобразовский кружок». Витте подготовил все необходимое для активного проникновения в Китай, в т.ч. военными методами. И главным инструментом в этом стала железная дорога – Транссибирская маги-

⁶ Покровский 1926. Ч. III. Вып. I. С. 3.

⁷ См. подробнее: Ананьич 1991.

⁸ См., напр.: Романов 1923; 1924.

⁹ Панях 2000. С. 102.

¹⁰ Романов 1928. С. VIII–X.

страль, строительство которой началось в 1891 г.¹¹ Б.А. Романов доказал, что в течение десятилетия до Русско-японской войны внешнюю политику России определяло не министерство иностранных дел, а министерство финансов, которым руководил Витте¹². Изучая международные отношения в Восточной Азии, Романов пришел к выводу, что там столкнулись интересы не только соседних государств – Китая, Японии и России, но и далеких Англии, США, Франции, Германии¹³.

Школа Покровского откликнулась на работу Б.А. Романова. С критикой выступил А.Л. Попов¹⁴. Главное замечание касалось оценок политики С.Ю. Витте и его ответственности за войну. Рецензент отстаивал позицию своего учителя. Другие замечания касались дискретности работы (труд носил отпечаток первоначального замысла сборника статей) и стилистики. Попов отметил и отсутствие выводов, что вполне соответствовало приверженности автора позитивистской методологии. Историк продолжил исследование и сосредоточился на дипломатической истории войны. Эта тема не отпускала ученого до конца жизни.

В 1930-е гг. произошли существенные изменения в оценках дореволюционного прошлого, связанные с идеологическим поворотом середины 1930-х¹⁵. Ш. Плаггенборг заметил, что в конце 1920-х – начале 1930-х гг. «общественный слой, до сих пор фактически не принимавший участия в политической и культурной жизни страны, взобрался на самую верхушку социальной лестницы. Отчасти он пробился туда сам, отчасти ему помогла политика Сталина и его окружения. Они принесли с собой свои замыслы и представления о жизни, воззрения на политику, не ясные, не сформулированные, не отрефлектированные»¹⁶. Утверждение у власти И.В. Сталина и формирование новой национальной идеологии и понятия советского патриотизма, возвращение к традиционным ценностям, необходимость подготовки к грядущей войне¹⁷, а также обострение ситуации на дальневосточных границах (советско-японские конфликты в 1938–1939 гг.) привели к трансформации историографических оценок Русско-японской войны. В этих условиях работы Покровского не могли служить основой для конструирования патриотических символов, что стало одной из причин разгрома его школы.

---

¹¹ См.: Там же. С. 9.

¹² Этот же вывод в 1927 г. прозвучал в работе Е.В. Тарле «С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики», где автор проанализировал роль Витте во внешней политике России и пришел к выводу, что он запустил процесс проникновения русских в Китай и не удержал его. Но он выступал за постепенное и планомерное продвижение (см.: Тарле 1958. Т. 5. С. 509–556).

¹³ Романов 1928. С. 471–473.

¹⁴ См.: Попов 1929.

¹⁵ См., напр.: Бранденбергер 2009.

¹⁶ Плаггенборг 2000. С. 31–32.

¹⁷ См.: Данилов 2006; Одесский, Фельдман 2008; Шаповалов 2008; Платт 2008.

В обществе ощущалась потребность в героическом прошлом¹⁸, это совпадало с интересами Сталина и политической элиты. Сам Сталин выразил свои взгляды на прошлое в «Кратком курсе истории ВКП (б)»¹⁹, но в этой работе сохранилось немало противоречий и неактуальных оценок. Россия и Япония представлялись равнозначными хищниками, боровшимися за раздел Китая. Однако теперь Япония называлась агрессором и инициатором войны. В «Кратком курсе» совсем не было уделено внимания теме героизма в Русско-японской войне: русская армия характеризовалась как неподготовленная, плохо вооруженная и недостаточно обученная, под руководством бездарных начальников. Но было акцентировано внимание на пораженческой позиции большевиков и оборончестве меньшевиков и Л.Д. Троцкого²⁰. Образ Русско-японской войны оказался непроработанным, и даже в разделе, посвященном войне, больше внимания уделялось разоблачению оппозиционных групп в партии.

Задача формулирования актуального «партийного» образа Русско-японской войны легла на Е.М. Ярославского. В 1939 г. он выпустил работу «Русско-японская война и отношение к ней большевиков», которая восполнила лакуны в содержании «Краткого курса». Кроме того, автор должен был органично соединить оценки войны В.И. Лениным и сконструировать патриотический образ войны. Следуя за Лениным, Ярославский охарактеризовал конфликт с Японией как империалистический. Однако российский империализм не был равен империализму японскому, хотя обе страны и представлялись «хищниками», но агрессором и инициатором войны оказалась Япония. В отличие от М.Н. Покровского теперь в «разбойничьем нападении» виделось нарушение международного права²¹. С позиции «изнутри» война приобретала иную характеристику. Если на внешнеполитической арене Россия выступала жертвой, то во внутривнутриполитическом контексте царское правительство являлось инициатором войны, «агрессором» в отношении «трудящихся масс»²². Ярославскому не удалось полностью избавиться от наследия Покровского: он воспроизвел его концепцию «двух придворных лагерей», в которой «безобразовский кружок» выступал непосредственным виновником и «поджигателем» войны²³. Тема героизма прозвучала весьма редуцировано, несколькими штрихами были обозначены герои – солдаты и матросы, и виновники поражения – «бездарные генералы». Впервые появился персонафицированный образ героя. Им стал вице-адмирал С.О. Макаров – «лучший военный моряк». Бездарностью руководства и плохой подго-

---

¹⁸ См., напр.: *Гуревич* 2004. С. 86.

¹⁹ См. подробнее: И.В. Сталин в работе над «Кратким курсом»... 2002; 2003.

²⁰ История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)... С. 52–53.

²¹ *Ярославский* 1939. С. 13.

²² Там же. С. 3–4, 6.

²³ Там же. С. 9–10.

товкой армии Ярославский объяснил причины победы Японии. Качества противника, его подготовка – оказались второстепенными²⁴.

В складывающемся образе Русско-японской войны появились противоречия: во-первых, признание Японии агрессором и пораженческая позиция большевиков в годы войны; во-вторых, героизация некоторых эпизодов войны и негативная ленинская трактовка событий. Проблемы разрешились «верной» интерпретацией работ Ленина и попыткой связать героизм русской армии с войной, а поражение большевиков с революцией. Таким образом, солдаты-герои воевали с внешним врагом, а большевики-революционеры с внутренним – царизмом. Противоречия Ярославский объяснил просто: «35 лет назад мы были пораженцами в Русско-японской войне, т.к. эта война была войной империалистической, войной несправедливой. С 7 ноября 1917 г. мы стали оборонцами своего социалистического отечества, пламенными его патриотами»²⁵.

Тогда же, в 1939 г., с критикой взглядов М.Н. Покровского на Русско-японскую войну вышла статья А.Л. Сидорова²⁶. Она была опубликована в печально известном сборнике, посвященном критике школы Покровского²⁷. Среди прочего Сидоров отметил, что советский историк не может оправдывать японский милитаризм, он должен был разоблачить сущность агрессии Японии в 1904 г.²⁸

Поиски новой истории привели к созданию новых учебников истории²⁹. Очень важно было транслировать на детей с раннего возраста функциональные, патриотические образы прошлого: ведь школьники – это будущие красноармейцы. В 1938–1939 учебном году в школах СССР обучался 31 миллион человек. Из них 9 миллионов учились в 8–10 классах³⁰. Через несколько лет они оказались на фронтах Великой Отечественной войны, а в 1945 г. воевали с японцами в Маньчжурии.

«Учебник истории классовой борьбы. XVIII–XX века»³¹ не подходил для реализации поставленных задач. Это должен был быть учебник истории Отечества, и в 1937 г. он появился. В первом сталинском учебнике истории («Краткий курс истории СССР», под ред. А.В. Шестакова) Русско-японской войне уделялось пять абзацев, причем война представлялась как средство предотвращения революции (т.е. на конфликт Николай II шел сознательно), но агрессорами все же назывались японцы, ибо они первыми начали войну. Далее, по Сталину, «хорошо вооруженная и

---

²⁴ Там же. С. 13–17.

²⁵ Там же. С. 45.

²⁶ Сидоров 1939. Ч. 1. С. 460–494.

²⁷ См. подробнее: Артизов 1991; Пихоя 2004.

²⁸ Сидоров 1939. Ч. 1. С. 478, 480.

²⁹ См. подробнее: Как Сталин критиковал... 2004.

³⁰ Медынский 1947. С. 25, 72.

³¹ Бочаров, Иоаннисиани 1928.

обученная японская армия стала бить отсталую царскую армию, плохо вооруженную и руководимую бездарными генералами – взяточниками и ворами»³². Из истории войны осторожно устранялись наиболее одиозные оценки конфликта, вина за который перекладывается на Японию.

Более подробно Русско-японская война была описана в изданном в 1941 г. учебнике «История СССР» для 10-го класса средней школы³³, который потом долгие годы оставался единственным источником знаний по истории для большинства советских граждан, причем многочисленные переиздания претерпели незначительные изменения: каждый год учебник дополнялся описанием текущих событий. В 21-м издании, вышедшем в 1962 г., история Русско-японской войны подавалась так же, как в 1940-е гг.³⁴ Материал о ней размещался во второй главе «Русско-японская война. Революция 1905–1907 годов в России – первая народная революция эпохи империализма»³⁵. Школьники должны были понимать, что война с Японией была империалистической. Россия наряду с другими странами участвовала в разделе Китая. Вина за войну полностью возлагалась на Японию, которая целенаправленно готовилась к войне, обеспечивала себе союзников, строила флот и обучала армию. Образ русской армии узнаваем: нижние чины – герои, С.О. Макаров и Р.И. Кондратенко – талантливые военачальники, большинство генералов и офицеров не подготовлены к войне, а в армии процветает казнокрадство. А.М. Стесель, сдавший Порт-Артур, назван предателем и изменником. Тем не менее, оборона крепости, сражения в порту Чемульпо и в Маньчжурии, Цусимский бой представляются примерами героизма русских воинов³⁶.

В 1930-е гг. в СССР вышел ряд работ по истории Русско-японской войны³⁷. Их издание, видимо, не связано с кампанией против школы Покровского, хотя на определенном этапе и они были вовлечены в процесс пересмотра оценок прошлого. Скорее, их появление связано с обострением советско-японских отношений, восприятием Японии в правительственных кругах как потенциального противника из-за ее активных действий в Китае, оккупации в 1931 г. Маньчжурии и распространении зоны влияния Японии к границам СССР³⁸. Необходимость изучения потенци-

---

³² См.: Краткий курс истории СССР... 1937. С. 122. (Тираж учебника составил полтора миллиона экземпляров).

³³ См.: *Базилевич, Бахрушин, Панкратова, Фохт* 1948.

³⁴ Единственное изменение произошло после 1956 г.: исчезла связь Русско-японской и советско-японской войн, с цитированием речи Сталина 2 сентября 1945 г.

³⁵ *Базилевич, Бахрушин, Панкратова, Фохт* 1962. С. 17–21.

³⁶ *Базилевич, Бахрушин, Панкратова, Фохт* 1941. С. 24, 26–29, 38.

³⁷ Авторами были профессиональные военные: *Карбышев* 1933; *Левцкий* 1935; *Вотинов* 1939; *Птицын* 1941; Русско-японская война... 1933; *Колубовский* 1940; *Рабинович* 1940; *Гончаров* 1935; *Денисов* 1935.

³⁸ Подробнее о конструировании образа Японии в советской периодической печати см.: *Ложкина* 2010.

ального противника и вероятного театра боевых действий и привела советских ученых-военных к проблеме Русско-японской войны, так как будущая война, если она и должна была произойти, то на территории северо-восточного Китая. Преподаватель Военной академии командного и штурманского состава ВВС полковник Б.Г. Птицын в материалах по курсу военной истории отметил: «Опыт Русско-японской войны для нас и в настоящее время имеет большое значение. Изучение этой войны, как и всех японских империалистических грабительских войн, помогает изучению одного из самых наглых противников советского народа»³⁹.

Авторами исследований стали преподаватели Военной академии им. М.В. Фрунзе, которые позднее перешли во вновь образованную Академию Генерального штаба РККА, Д.М. Карбышев (1880–1945)⁴⁰ и Н.А. Левицкий (1887–1942). Д.М. Карбышев сам участвовал в войне с Японией 1904–1905 гг. и свою небольшую работу посвятил обороне Порт-Артура⁴¹. Наиболее полное исследование, подготовленное комбригом Н.А. Левицким, вышло в свет в 1935 г., но было подвергнуто критике за допущенные методологические ошибки: следование за оценками М.Н. Покровского⁴². В 1936 г. работа претерпела переиздание с исправлениями. Критики вновь обнаружили грубые идеологические ошибки и следы влияния Покровского⁴³, и Левицкий еще раз переработал свой труд, который вышел третьим изданием в 1938 г.⁴⁴

Для того чтобы понять, в каком плане происходила переработка книги, приведу один пример. В издании 1935 г. Н.А. Левицкий так охарактеризовал русского солдата: «забитый и бесправный крестьянин обнищавшей деревни – ни в какой мере не удовлетворял высоким требованиям, предъявлявшимся к бойцу сложными условиями войны нового времени как в области общего культурного развития, так и в отношении общей технической подготовки»⁴⁵. Здесь чувствуется влияние М.Н. Покровского. В переиздании 1936 г. в этом же месте читаем: «Русский солдат, храбрость, самоотверженность и стойкость которого в бою отмечались иностранцами на всем протяжении истории России, не мог удовлетворять на рубеже XX столетия высоким требованиям, которые предъявлялись к бойцу сложными условиями нового времени»⁴⁶. Но во всех изданиях остались неизменными характеристики русского офицерства и генералитета: низкое развитие, отсутствие инициативы и стремле-

---

³⁹ Птицын 1941. С. 63.

⁴⁰ Карбышев Дмитрий Михайлович... 1973. Т. 11. С. 409.

⁴¹ См.: Карбышев 1933.

⁴² См.: Иolk 1936.

⁴³ См.: Попов 1937.

⁴⁴ См.: Левицкий 1935; 1936; 1938.

⁴⁵ Левицкий 1935. С. 21.

⁴⁶ Левицкий 1936. С. 25.

ния к новаторству, неспособность к проявлению творческой инициативы⁴⁷. Этим автор и объяснил причины победы Японии.

Основная часть книги, посвященная описанию состояния вооруженных сил сторон, подробному анализу боевых действий в Маньчжурии, не менялась. Автор оставил за пределами своей работы события на море и оборону Порт-Артура, что было до него описано Д.М. Карбышевым. В этом заключалась одна из претензий рецензентов, а А.Л. Попов отмечал, что в книге не хватает показа действий живых людей, непосредственных участников сражений⁴⁸. Хотя Н.А. Левицкий в предисловии предупреждал читателей: «Книга написана применительно к требованиям Военной академии имени Фрунзе. Основное внимание уделено главнейшим операциям Русско-японской войны»⁴⁹, многие ожидали от него описания конкретных примеров героизма, а не сухого анализа передвижений войск, тактики и стратегии сторон. Попытки сделать книгу доступной не только для военных специалистов не увенчались успехом.

Книга Н.А. Левицкого не удовлетворила «государственный заказ» и запросы общества на героические символы. Работа над прошлым продолжилась. Этому способствовала и актуальность дальневосточной тематики: военные столкновения Красной Армии с японцами в 1938 г. у озера Хасан, а в 1939 г. на реке Халхин-Гол. И издания, посвященные Русско-японской войне, появились⁵⁰. В них авторы подробно остановились на примерах героизма русских войск. Вновь повторялся уже знакомый тезис: «Не доблесть японских войск, не талант японских генералов, а бесталанность Куропаткина и его ближайших помощников, гнилость царского строя дали победу японцам»⁵¹. В этих брошюрах война с Японией приобрела ожидаемую героическую основу. Появились «живые» солдаты и моряки, младшие офицеры – герои войны и примеры их героизма – Путиловская сопка (сражение на реке Шахэ), оборона Порт-Артура. Освещение героических эпизодов должно было убедить, что предстоящее столкновение будет победоносным для Красной Армии.

Великая Отечественная и советско-японская войны подвели черту под определенным этапом развития историографии Русско-японской войны. Речь Сталина 2 сентября 1945 г. по случаю капитуляции Японии явилась рубежной. Она оказалась не менее парадоксальной, чем «Краткий курс»: если ранее историки, публицисты, политики отмечали, что Русско-японская война – это преступление царизма, то теперь Сталин отмечал в обращении к народу: «Свою агрессию против нашей страны Япония начала еще в 1904 году во время Русско-японской войны. Как

⁴⁷ Левицкий 1935. С. 24–25; 1936. С. 27.

⁴⁸ Попов 1937. С. 193.

⁴⁹ Левицкий 1935. С. 3.

⁵⁰ См.: Левин 1939; Лунин 1939; Быков 1942.

⁵¹ Левин 1939. С. 30.

известно, в феврале 1904 года, когда переговоры между Японией и Россией еще продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, – напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать, тем самым, выгодное положение для своего флота. <...> Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. <...> Но поражение русских войск в 1904 году в период русско-японской войны оставило тяжелые воспоминания. Оно легло на нашу страну черным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил»⁵².

Таким образом, Сталин связал разные события в один процесс противостояния России и Японии в Восточной Азии, которое завершилось победой России. Важно, что эта победа произошла под руководством генералиссимуса И.В. Сталина, что он положил конец череде поражений, которые начались в 1904–1905 гг., и продолжились японской интервенцией на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. Затрагиваемые события имели различную природу, по крайней мере, если руководствоваться работами В.И. Ленина и пониманием Русско-японской войны как империалистической. Должен ли был народ переживать разгром 1904–1905 гг., если Ленин назвал Портсмутский мир поражением не народа, а царского правительства? Должен ли был русский народ сорок лет ждать реванша, если не желал Русско-японской войны, если русские были справедливо биты за собственную отсталость?

Послевоенная историография Русско-японской войны восприняла новые идеи Сталина, которые воплотились в целом ряде работ⁵³. История войны получила законченный героический образ в учебной литературе⁵⁴. С России окончательно сняли вину за развязывание войны. Исследователи сформировали героические образы обороны Порт-Артура, боя крейсера «Варяг» и канонерской лодки «Кореец» в порту Чемульпо, а также героев войны С.О. Макарова, Р.И. Кондратенко, В.Ф. Руднева и др.

Опираясь на статьи В.И. Ленина, историки по-прежнему определяли войну как империалистическую, однако роль России в разжигании конфликта нивелировалась. Ведущими игроками на восточноазиатской арене представлялись США и Великобритания, которые подтолкнули Японию к войне с Россией. Например, у Е.Д. Черменского читаем: «Полвека назад хищническая военно-феодалная Япония, провоцируе-

---

⁵² Сталин 1948. С. 204–205.

⁵³ См.: Сидоров 1946; Сидоров, Панкратова 1951; Сорокин 1947; 1948; 1951; 1954; 1955; 1956; Пантелеев 1951; Быков 1951.

⁵⁴ Базилевич, Бахрушин, Панкратова, Фохт 1948. С. 45, 304.

мая и активно поддерживаемая империалистами США и Англии, совершила нападение на Россию»⁵⁵. Япония выступает инициатором войны, так как ей нужен плацдарм на материке. Кроме того, позиции России придается позитивная окраска за счет того, что она выступает в роли защитника интересов Китая⁵⁶. Так война превратилась из империалистической в оборонительную для России.

Образ России и русской армии в работах А.Л. Сидорова, А.И. Сорокина, Е.Д. Черменского неоднороден. По классовому признаку выделяются две группы: помещики и буржуазия – с одной стороны, крестьяне и рабочие – с другой. Первые предстают инициаторами империалистической политики царского правительства и угнетают вторых внутри страны. Вторые не заинтересованы в войне, но они – патриоты, защитники родины, и поэтому вынуждены сражаться на двух фронтах: внешнем – с японцами и внутреннем – с господствующим классом. Вооруженные силы империи отражают отсталость государства, в армии, как и внутри страны, наблюдается противостояние двух лагерей. Защитники отечества, герои – это нижние чины, лучшие представители офицерства, некоторые генералы и адмиралы. Их образ персонифицируется в героических фигурах С.О. Макарова, В.Ф. Руднева, Г.П. Беляева, А.С. Сергеева, Р.И. Кондратенко⁵⁷, которые опираются на богатые русские военные традиции⁵⁸. Им противостоят «предатели», представители «господствующего класса» Е.И. Алексеев, А.М. Стессель, А.В. Фок, «бездарные», «тупые» командиры, которые способствовали засилью в армии «рутины» и «косности», «самодурства» и «канцелярщины». Разнородность командования не позволяла активно действовать и принимать быстрые и адекватные решения⁵⁹. Поэтому, несмотря на героизм солдат и матросов, высокий моральный дух, русской армии не удалось одержать победу. Оправдывается и пораженческая позиция большевиков, выступавших за обращение штыков против внутреннего врага – самодержавия⁶⁰.

Образ врага состоит из трех действующих лиц – Японии, США и Великобритании. США и Англия представляются главными действующими лицами: они руками Японии ослабляют Россию, чтобы подчинить себе Китай. Япония – это агрессор, который долго и упорно готовился к войне. Японцы наделены чертами вероломства, за ними численное превосходство и выгодная обстановка. Япония – динамично развивающаяся, индустриальная страна, имеющая кадровую армию, не лишенную, однако, недостатков. Победы японцев объясняются в большей мере

---

⁵⁵ Черменский 1954. С. 3.

⁵⁶ Сидоров 1946. С. 10; Черменский 1954. С. 11.

⁵⁷ Сорокин 1954. С. 149–150; Сидоров 1946. С. 52.

⁵⁸ Черменский 1954. С. 18–28, 32–33.

⁵⁹ Сорокин 1954. С. 29, 36, 42, 70, 130, 133, 162; Сидоров 1946. С. 42.

⁶⁰ Черменский 1954. С. 29; Сорокин 1954. С. 57.

не подготовленностью войск, а поддержкой союзников, просчетами русского командования, его бездарностью⁶¹.

Так после Великой Отечественной войны был сконструирован популярный (упрощенный) канонический образ Русско-японской войны. За его рамками остались исследования Б.А. Романова. В 1928 г. Б.А. Романов не оставил тему Русско-японской войны и продолжил изучение международных отношений в Восточной Азии. В 1934–1935 гг. он подготовил книгу «Русско-японская война. 1895–1905 (политико-исторический очерк)» и в 1941 г. по этой работе защитил докторскую диссертацию⁶². Труд вышел в свет в 1947 г.⁶³ и получил положительные отзывы, монография чуть не была номинирована на Сталинскую премию⁶⁴. Автору посоветовали продолжить исследование и подробнее остановиться на вопросе о мирных переговорах в Портсмуте⁶⁵. Работа над вторым изданием была драматична. Первым ударом стал отказ в доступе к материалам Архива внешнеполитической разведки. В письме к В.Н. Куну Б.А. Романов отмечал: «В этой работе (поистине каторжной, как вспомню, и для мозговых сосудов, и для глаз) меня увлекало то, что я называю сцепкой фактов, рассыпанных по всему земному шару и сплетавшихся во взаимозависимости. Такова, например, переключка шести империалистических столиц во время Портсмутской конференции...»⁶⁶. Последнюю безуспешную атаку на книгу произвел генерал-майор и автор книг по истории Русско-японской войны А.И. Сорокин. Б.А. Романов писал Н.Л. Рубинштейну: «Издательство передало мне контрольную рецензию генерала Сорокина, разнесшего меня в пух за отсутствие патриотизма, недружелюбие ко всему русскому, за пристрастие к “болтовне” дипломатов и за краткость в отношении всего военного...» (31 августа 1955 г.)⁶⁷. Однако рецензия Сорокина не повлияла на выход книги и ее содержание. В 1955 г. появилось второе издание «Очерков дипломатической истории Русско-японской войны»⁶⁸.

В «Очерках дипломатической истории Русско-японской войны» историк продолжил «возведение непроницаемой плотины из фактов»⁶⁹. Автор так обозначил задачи книги: 1) показать, как «к этой войне толкали царское правительство крупная буржуазия, искавшая новых рынков,

---

⁶¹ Сорокин 1954. С. 27, 74, 173.

⁶² Ананьич 1991; Панях 1993. С. 129, 131; 2000. Т. 1. С. 235.

⁶³ См.: Романов 1947.

⁶⁴ Панях 2000. Т. 1. С. 240.

⁶⁵ См.: Гальперин 1948.

⁶⁶ Цит. по: Панях 2000. Т. 1. С. 243.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ См.: Романов 1955.

⁶⁹ Цит. по: Панях 2000. С. 103. В этой фразе, произнесенной Б.А. Романовым на защите докторской диссертации в 1941 г., выражается определение позитивистской методологии, которой придерживался историк в своих трудах.

и наиболее реакционные слои помещиков», т.е. проиллюстрировать «Краткий курс» истории ВКП (б); 2) показать захватнический характер политики японского империализма, и 3) показать сложную работу дипломатий всех шести держав, результатом которой явилось первичное оформление Антанты в 1907 г.⁷⁰ Б.А. Романов согласился с империалистическим характером войны, но многократно подчеркнул, что русский империализм отличался от японского, английского или американского: дальневосточная политика России имела позитивные последствия⁷¹. Выступая с патриотической позиции, он не обошел вниманием и «японский милитаризм». Однако у него трудно найти героические образы, он не касается боевых действий, отправляя читателя к труду Н.А. Левицкого, и сосредоточивается на дипломатической истории. Для него было гораздо важнее выявить многочисленные дипломатические каналы и способы сношений по ним, поэтому в работе предстает образ Земного шара, на котором в разных уголках происходит «международная игра». Историк пытался изобразить ее во всех подробностях, представив войну проявлением или апофеозом дипломатического процесса. Он доказал, что Русско-японская война была в последнюю очередь вызвана противоречиями между Россией и Японией. Важнейшей причиной конфликта была необходимость определить соотношение сил в англо-германском противостоянии и принадлежность России к тому или иному блоку. Так Россия приобрела образ жертвы в руках великих держав – Англии, США, Германии, Франции. Война 1904–1905 гг. определила место России в грядущей схватке⁷². Самой войне уделяется второстепенное значение, ибо боевые столкновения – лишь вершина вскрытой историком мировой политической, стратегической, геополитической борьбы.

Существенные дополнения не изменили характера книги. Рецензент Л.А. Березный отмечал: «Романов исходил из оценок войны Лениным. Автор всей своей книгой убедительно доказывает, что война была порождена столкновением империалистических интересов царской России и Японии, и, хотя эту империалистическую войну непосредственно развязала Япония, за ее спиной стояли англо-американские империалисты»⁷³. Б.А. Романов не стремился кого-то разоблачить. Он остался верен традициям петербургской школы и выше всего ставил документ и факт, за которыми следовал, восстанавливая картины прошлого. Его труды занимают особое место в историографии Русско-японской войны. Советские историки неоднократно подчеркивали полноту научного анализа, яркую форму изложения материала. Работы Б.А. Романова не формировали упрощенно-патриотический образ войны. Они предостав-

---

⁷⁰ Романов 1947. С. 6–7.

⁷¹ Там же. С. 44.

⁷² Романов 1947. С. 161, 396; 1955. С. 4.

⁷³ Березный 1957. С. 189.

ляли возможность читателю делать самостоятельные выводы, опираясь на бескрайнее «полотно фактов». Поэтому многие учебные пособия включали его книги в списки рекомендуемой литературы⁷⁴.

Однако начало «Холодной войны» поставило вопрос о разоблачении империалистической, захватнической сущности США. В рамках истории Русско-японской войны ученые начали акцентировать внимание на экспансионистской политике США в Восточной Азии: американцы стали чуть ли не главными инициаторами войны⁷⁵. В истории XIX века обнаружили множество примеров экспансии западных стран в Китае, борьба которых и привела к Русско-японской войне. Япония представлялась орудием в руках Англии и США. В связи с началом «Холодной войны» наметились некоторые изменения и в историографии Русско-японской войны. Так, изменился порядок перечисления государств, наиболее активно проникавших в Китай: если ранее перечень возглавляла Англия, то теперь США. Историки «вспомнили» продажу Аляски в 1867 г., проникновение американцев на русский Дальний Восток, неравноправные договоры с Китаем и Японией, доктрину «открытых дверей» в подтверждение экспансионистских позиций США в Азии⁷⁶, что связывается с современностью: войной в Корее в 1950–1953 гг.

***

В 1920–1950-е гг. образ Русско-японской войны в культурной памяти претерпел существенные трансформации. После революционных потрясений 1917 г., Гражданской войны и установления советской власти место политической элиты заняли недавние маргиналы. До революции непопулярный, непатриотичный, «радикальный» образ Русско-японской войны получил возможность занять доминирующую позицию. Однако уничтожение героического прошлого, упразднение символов доблести предков, интернационализация истории не нашло поддержки в широких слоях населения. Общество нуждалось в комфортном прошлом. Культурный поворот 1930-х гг. нивелировал ленинскую революционную риторику и запустил процесс реставрации традиционных, героических, значимых символов. Этот процесс отразился и на Русско-японской войне, особенно после победы над Японией в 1945 г. Война с Японией, отдельные сражения стали примерами героизма русской армии. Кульминацией коммеморации этой темы явилась 50-летняя годовщина войны, в ходе которой на государственном уровне осуществлялась легитимации героического образа Русско-японской войны⁷⁷.

---

⁷⁴ См., например: *Черменский* 1965. С. 85; *Бовыкин* 1960. С. 205.

⁷⁵ См.: *Гальперин* 1947; *Международные отношения...*; *Добров* 1952.

⁷⁶ См.: *Нарочницкий* 1956.

⁷⁷ *Антипин* 2012.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Ананьич Б.В. Мемуары С.Ю. Витте в творческой судьбе Б.А. Романова // Проблемы социально-экономической истории России: сб. статей к 100-летию со дня рождения Б.А. Романова / отв. ред. А.А. Фурсенко. СПб., 1991. С. 30–40.
- Антипин Н.А. 50-летие Русско-японской войны в СССР: коммеморативные практики, 1954–1955 // Диалог со временем. 2012. Вып. 40. С. 79–93.
- Артизов А.Н. Критика М.Н. Покровского и его школы (к истории вопроса) // История СССР. 1991. № 1. С. 102–120.
- Базилевич К.В., Бахрушин С.В., Панкратова А.М., Фохт А.В. История СССР: Учебник для 10 класса средней школы / под ред. А.М. Панкратовой. Изд. 7-е. М., 1948; Изд. 21-е. М., 1962.
- Базилевич К.В., Бахрушин С.В., Панкратова А.М., Фохт А.В. История СССР: учебник для X класса средней школы под ред. А.М. Панкратовой. М., 1941.
- Безобразовский кружок летом 1904 г. / вступ. ст. Б.А. Романова // Красный архив. 1926. № 17. С. 70–80.
- Березный Л.А. Б.А. Романов Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. 1895–1907 // Вопросы истории. 1957. № 12. С. 188–193.
- Бовыкин В.И. Очерки внешней истории России: конец XIX века – 1917 год: Пособие для учителя. М., 1960.
- Бочаров Ю.М., Иоаннисиани А.З. Учебник истории классово-борьбы. XVIII–XX века / под общ. ред. А.Д. Удальцова. Изд. 2-е стереотип. М.; Л., 1928.
- Бранденбергер Д. Национал-большевизм. Сталинская массовая культура и формирование русского национального самосознания (1931–1956). СПб., 2009.
- Быков П.Д. Сражение у о. Цусима // Русское военно-морское искусство. Сб. ст. / отв. ред. кап. 1-го ранга Р.Н. Мордвинов. М., 1951. С. 348–367.
- Быков П. Русско-японская война 1904–1905 гг. Действия на море. М., 1942.
- В штабе адм. Е.И. Алексеева: (Из дневника Г.А. Плансона) / вступ. ст. А.Л. Попова // Красный архив. 1930. № 41–42. С. 148–204.
- Вильгельм II о Русско-японской войне и революции 1905 года / подготовка текста и коммент. А.А. Сергеева // Красный архив. 1925. № 9. С. 56–65.
- Вотинов А. Японский шпионаж в Русско-японскую войну 1904–1905 гг. М., 1939.
- Гальперин А. Англо-японский союз. 1902–1921 годы. М., 1947.
- Гальперин А. Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. 1895–1907 гг. Изд-во АН СССР. М.; Л., 1947. 492 с. // Вопросы истории. 1948. № 8. С. 122–128.
- Гончаров Л.Г. Некоторые тактические уроки Цусимы: (К тридцатилетию Цусимского боя) // Морской сборник. 1935. № 10. С. 12–37.
- Гуревич А.Я. История историка. М., 2004.
- Данилов В.Н. Власть и формирование исторического сознания советского общества в первые послереволюционные десятилетия // Историческое сознание и власть в зеркале России XX века / под ред. А.В. Гладышева, Б.Б. Дубенцова. СПб., 2006. С. 133–147.
- Денисов Б. Минная война у Владивостока в 1904–1905 гг. // Морской сборник. 1935. № 10. С. 26–31.
- Денисов Б. Минная война у Порт-Артура в 1904 г. // Морской сборник. 1935. № 10. С. 86–95.
- Дневник А.Н. Куропаткина / вступ. ст. М.Н. Покровского // Красный архив. 1922. № 2. С. 5–117.
- Добров А. Дальневосточная политика США в период Русско-японской войны. М., 1952.
- И.В. Сталин в работе над «Кратким курсом» истории ВКП (б) / вступ. ст. М.В. Зеленова // Вопросы истории. 2002. № 11. С. 3–29; № 12. С. 3–26; 2003. № 3. С. 3–23; № 4. С. 3–25.
- Из писем ген. Н.Н. Левашова А.Н. Куропаткину // Красный архив. 1926. № 14. С. 216–222.
- Июль Е. «Русско-японская война 1904–1905 гг.» // Правда. 1936. 31 июля.
- История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП (б). М., 1938.
- Как Сталин критиковал и редактировал конспекты школьных учебников по истории (1934–1936) / вступ. ст. и публ. М.В. Зеленова // Вопросы истории. 2004. № 6. С. 3–30.
- Карбышев Д. Оборона Порт-Артура (1904 год). М., 1933.

- Карбышев Дмитрий Михайлович // Большая советская энциклопедия / гл. ред. А. М. Прохоров. Изд. 3-е. М., 1973. Т. 11. С. 409.
- Колубовский И. Библиография о Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Военно-исторический журнал. 1940. № 6. С. 140–142.
- Краткий курс истории СССР: Учебник для 3-го и 4-го классов / под ред. А.В. Шестакова. М., 1937.
- Левин Н.М. Атака Путиловской сопки: Эпизод из сражения на реке Шахэ Русско-японской войны 1904–1905 гг. М., 1939.
- Левитский Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1935; Изд. 2-е, испр. М., 1936; Изд. 3-е, испр. и доп. М., 1938.
- Ложкина А. Два огромных зуба, торчащих изо рта: Формирование образа Японии в советской периодической печати // Родина. 2010. № 9. С. 10–12.
- Лукин Б. В. Донские казаки в Русско-японской войне 1904–1905 гг. Ростов-на-Дону, 1939.
- Медынский Е. Н. Народное образование в СССР. М., 1947.
- Международные отношения на Дальнем Востоке (1870–1945 гг.) / под общ. ред. Е.М. Жукова. М., 1951.
- Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1895. М., 1956.
- Одесский М.П., Фельдман Д.М. Идеология «патриот» в русской, советской и постсоветской культуре // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 109–123.
- Панях В.М. Борис Александрович Романов (1889–1957) // Портреты историков: Время и судьбы. В 2 т. Москва; Иерусалим, 2000. Т. 1. С. 228–246.
- Панях В.М. Борис Александрович Романов: Письма друзьям и коллегам // Отечественная история. 1993. № 3. С. 125–154.
- Панях В.М. Творчество и судьба историка: Борис Александрович Романов. СПб., 2000.
- Переписка С.Ю. Витте и А.Н. Куропаткина в 1904–1905 гг. / вступ. ст. Г. Стопалова // Красный архив. 1926. № 19. С. 64–82.
- Письма В.В. Верещагина Николаю Романову // Красный архив. 1931. № 45. С. 167–171.
- Письмо ген. А.М. Стесселя ген. В.Г. Глазову о начале Русско-японской войны / вступ. ст. В. Селванова // Красный архив. 1926. № 16. С. 218–220.
- Пихоя Р.Г. Востребованная временем история. Отечественная историческая наука в 20–30-е годы XX века // Новая и новейшая история. 2004. № 2. С. 28–53.
- Плаггенборг Ш. Революция и культура: Культурные ориентиры в период между Октябрьской революцией и эпохой сталинизма. СПб., 2000.
- Платт К.М. Ф. Репродукция травмы: Сценарии русской национальной истории в 1930-е годы // Новое литературное обозрение. 2008. № 2. С. 63–85.
- Покровский М.Н. Избранные произведения в четырех книгах. М., 1967. Кн. 3.
- Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Изд. 2-е перераб. М.; Л., 1926. Ч. III: XX век. Вып. I: 1896–1906.
- Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. М., 1923. Ч. III: XX век. Вып. I: 1896–1906.
- Попов А. Б.А. Романов. «Россия в Маньчжурии (1892–1906)» // Историк-марксист. 1929. № 14. С. 173–182.
- Попов А. Левитский Н. Русско-японская война 1904–1905 годов. Гос. воен. изд-во Наркомата обороны СССР. 2-е испр. изд. М., 1936 // Историк-марксист. 1937. № 3. С. 192–197.
- Портсмут / вступ. ст. Б.А. Романова // Красный архив. 1924. № 6. С. 3–47; № 7. С. 3–31.
- Птицын Б.Г. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Материалы по курсу военной истории. Тема № 10 / под ред. Е.И. Татарченко. Мононо, 1941.
- Рабинович М. Химические средства в Русско-японской войне 1904–1905 гг. // Военно-исторический журнал. 1940. № 7. С. 127–128.
- Романов Б.А. «Лихунчангский фонд»: Из истории русской империалистической политики на Дальнем Востоке // Борьба классов. 1924. № 1–2. С. 77–126.
- Романов Б.А. Концессия на Ялу: К характеристике личной политики Николая II // Русское прошлое: Историч. сборник / под ред. С.Ф. Платонова, А.Е. Преснякова, Ю. Гессена. Пг.; М., 1923. С. 87–108.

- Романов Б.А. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. 1895–1907. М.; Л., 1947; Изд. 2-е испр. и доп. М.; Л., 1955.
- Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928.
- Русско-японская война: сб. мат-лов / сост. П.Ф. Яровой, под ред. и с предисл. В.П. Викторова. Л., 1933.
- Сидоров А.Л. Русско-японская война (1904–1905 гг.). М., 1946.
- Сидоров А.Л., Панкратова А.М. Русско-японская война. Первая буржуазно-демократическая революция в России (1905–1907 гг.): Лекции, прочитанные в высшей партийной школе при ЦК ВКП (б). М., 1951.
- Сидоров А. Ошибки М.Н. Покровского в оценке Русско-японской войны 1904–1905 годов // Против исторической концепции М.Н. Покровского. М.; Л., 1939. Ч. 1. С. 460–494.
- Сорокин А.И. Бой в Желтом море 28 июля 1904 года // Русское военно-морское искусство. Сб. ст. / отв. ред. кап. 1-го ранга Р.Н. Мордвинов. М., 1951. С. 319–331.
- Сорокин А.И. Военное и военно-морское искусство во время героической обороны Порт-Артура // Русское военно-морское искусство / отв. ред. кап. 1-го ранга Р.Н. Мордвинов. М., 1951. С. 336–348.
- Сорокин А.И. Выдающийся русский флотоводец С.О. Макаров // Русское военно-морское искусство. Сб. ст. / отв. ред. кап. 1-го ранга Р.Н. Мордвинов. М., 1951. С. 283–299.
- Сорокин А.И. Героическая оборона Порт-Артура. М., 1955.
- Сорокин А.И. Действия Владивостокских крейсеров и бой 1 августа в Корейском проливе // Русское военно-морское искусство. Сб. ст. / отв. ред. кап. 1-го ранга Р.Н. Мордвинов. М., 1951. С. 331–336.
- Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура. М., 1947.
- Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура: Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1948.
- Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура: Русско-японская война. М., 1954.
- Сорокин А.И. Подготовка Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Русское военно-морское искусство. Сб. ст. / отв. ред. кап. 1-го ранга Р.Н. Мордвинов. М., 1951. С. 303–319.
- Сорокин А.И. Русско-японская война 1904–1905 гг.: (Военно-исторический очерк). М., 1956.
- Сталин И.В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 5-е. М., 1948.
- Тарле Е.В. Граф С.Ю. Витте. Опыт характеристики внешней политики // Тарле Е.В. Сочинения. М., 1958. Т. 5. С. 509–556.
- Черменский Е.Д. История СССР: Период империализма (90-е гг. XIX в. – март 1917): Пособие для учителей и студентов педвузов. Изд. 3-е, переработ. и доп. М., 1965.
- Черменский Е.Д. Русско-японская война 1904–1905 годов. М., 1954.
- Шаповалов В.Ф. Российский патриотизм и российский антипатриотизм // Общественные науки и современность. 2008. № 1. С. 124–132.
- Ярославский Е. Русско-японская война и отношение к ней большевиков. М., 1939.

REFERENCES

- Anan'ich B.V. Memuary S.Ju. Vitte v tvorcheskoj sud'be B.A. Romanova // Problemy social'no-jekonomicheskoj istorii Rossii: sb. statej k 100-letiju so dnja rozhdenija B. A. Romanova / отв. ред. А.А. Fursenko. SPb., 1991. S. 30–40.
- Antipin N. A. 50-letie Russko-japonskoj vojny v SSSR: kommemorativnye praktiki, 1954–1955 // Dialog so vremenem. 2012. Vyp. 40. S. 79–93.
- Artizov A N. Kritika M.N. Pokrovskogo i ego shkoly (k istorii voprosa) // Istorija SSSR. 1991. № 1. S. 102–120.
- Bereznyj L.A. B.A. Romanov Oчерки diplomaticheskoi istorii Russko-japonskoj vojny. 1895–1907 // Voprosy istorii. 1957. № 12. S. 188–193.
- Brandenberger D. Nacional-bol'shevizm. Stalinskaja massovaja kul'tura i formirovanie russkogo nacional'nogo samosoznaniya (1931–1956). SPb., 2009.
- Gurevich A.Ja. Istorija istorika. M., 2004.
- Danilov V.N. Vlast' i formirovanie istoricheskogo soznaniya sovetskogo obshhestva v pervye poslerevoljucionnye desjatiletija // Istoricheskoe soznanie i vlast' v zerkale Rossii XX veka / pod red. A.V. Gladysheva, B.B. Dubencova. SPb., 2006. S. 133–147.

- I.V. Stalin v rabote nad «Kratkim kursom» istorii VKP (b) / vstup. st. M.V. Zelenova // Voprosy istorii. 2002. № 11. S. 3–29; № 12. S. 3–26; 2003. № 3. S. 3–23; № 4. S. 3–25.
- Kak Stalin kritikoval i redaktiroval konspekty shkol'nyh uchebnikov po istorii (1934–1936) / vstup. st. i publ. M.V. Zelenova // Voprosy istorii. 2004. № 6. S. 3–30.
- Lozhkina A. Dva ogromnyh zuba, torchashhih izo rta: Formirovanie obraza Japonii v sovetskoj periodicheskoj pečati // Rodina. 2010. № 9. S. 10–12.
- Mezhdunarodnye otnoshenija na Dal'nem Vostoke (1870–1945 gg.) / pod obshh. red. E.M. Zhukova. M., 1951.
- Narochnickij A.L. Kolonial'naja politika kapitalisticheskikh derzhav na Dal'nem Vostoke 1860–1895. M., 1956.
- Odesskij M.P., Fel'dman D.M. Ideologija «patriot» v russoj, sovetskoj i postso-vetstkoj kul'ture // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2008. № 1. S. 109–123.
- Panejah V.M. Boris Aleksandrovich Romanov (1889–1957) // Portrety istorikov: Vremja i sud'by. V 2 t. Moskva; Ierusalim, 2000. T. 1. S. 228–246.
- Panejah V.M. Boris Aleksandrovich Romanov: Pis'ma druž'jam i kollegam // Otechestvennaja istorija. 1993. № 3. S. 125–154.
- Panejah V.M. Tvorčestvo i sud'ba istorika: Boris Aleksandrovich Romanov. SPb., 2000.
- Pihoja R.G. Vostrebovannaja vremenem istorija. Otechestvennaja istoričeskaja nauka v 20–30-e gody XX veka // Novaja i novejšaja istorija. 2004. № 2. S. 28–53.
- Plaggenborg Sh. Revoljucija i kul'tura: Kul'turnye orientiry v period mezhdru Ok-tjabr'skoj revoljucij i jepohoj stalinizma. SPb., 2000.
- Platt K.M.F. Reprodukcija travmy: Scenarii russoj nacional'noj istorii v 1930-e gody // Novoe literaturnoe obozrenie. 2008. № 2. S. 63–85.
- Pokrovskij M.N. Izbrannye proizvedenija v chetyreh knigah. M., 1967. Kn. 3.
- Romanov B.A. Očerki diplomaticheskoi istorii Russko-japonskoj vojny. 1895–1907. M.; L., 1947.
- Romanov B.A. Očerki diplomaticheskoi istorii Russko-japonskoj vojny. 1895–1907. Izd. 2-e ispr. i dop. M.; L., 1955.
- Sidorov A.L. Russko-japonskaja vojna (1904–1905 gg.). M., 1946.
- Sorokin A.I. Russko-japonskaja vojna 1904–1905 gg.: (Voenno-istoričeskij očerok). M., 1956.
- Tarle E.V. Graf S.Ju. Vitte. Opyt karakteristiki vneshnej politiki // Tarle E.V. Sochinenija. M., 1958. T. 5. S. 509–556.
- Chermenskij E.D. Russko-japonskaja vojna 1904–1905 godov. M., 1954.
- Shapovalov V.F. Rossijskij patriotizm i rossijskij antipatriotizm // Obshhestvennye nauki i sovremennost'. 2008. № 1. S. 124–132.

Антипин Николай Александрович, кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной и зарубежной истории Южно-Уральского государственного университета (Челябинск); antipin87@mail.ru

Manipulation of memory: the transformation of images of the Russian-Japanese war in the Soviet historiography, 1920s – 1950s

The article deals with the process of transformation of images, evaluation, and perception of the Russian-Japanese War of 1904–1905 in Soviet historical science in the 1920s – 1950s. On the basis of historiographical sources, three stages are reconstructed: “struggle” with the heroic past (1920s), attempts to find a compromise between the international ideology and heroic characters (1930s), rehabilitation of war and embedding it in a heroic past (since 1945).

Keywords: the Russian-Japanese War of 1904–1905, images of war, cultural memory, historiography, commemoration

Nikolay Antipin, Ph. D (History), Associate Professor of the Department domestic and foreign stories of the South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, antipin87@mail.ru